

Глава I

1

В редакцию журнала «Вестник хирургии» пришло письмо: «Более полутора лет нахожусь под следствием по делу смерти больной, которая в январе прошлого года была оперирована мною по поводу гангренозного, перфоративного, калькулёзного холецистита. Во время операции возникло сильное кровотечение. Больная очутилась на грани смерти... Её удалось спасти, но в брюшной полости случайно была оставлена марлевая салфетка — я и мои ассистенты не заметили её.

В конце февраля того года больная в хорошем состоянии была выписана, но через семь с половиной месяцев после операции внезапно скончалась.

На вскрытии выявлен большой, шаровидной формы тромб, закупоривший весь просвет лёгочной артерии, что и послужило основной причиной смерти.

Одновременно с этим под печенью был обнаружен осумковавшийся тампон (марлевая салфетка). Перитонита не было.

Судебно-медицинская экспертиза, проведённая в нашем городе, дала заключение, что причиной смерти является тромбоэмболия лёгочной артерии и что оставленный тампон влияния на печальный исход не

имел. Экспертиза же, проведённая в Москве, дала заключение, что причиной смерти явился случайно оставленный тампон.

Дело дважды прекращалось следственными органами на местах за неимением состава преступления.

Теперь мое дело находится в Прокуратуре Союза ССР, и я обвиняюсь в халатности. Мне угрожает исключение из партии, в которой я состою 30 лет, увольнение из института, где я проработал всю жизнь. Прошу высказать авторитетное Ваше мнение и мнение возглавляемой Вами редакции по моему делу.

С волнением и благодарностью ожидаю Вашего ответа.

Профессор Гафили».

Письмо было адресовано мне, редактору журнала. Вместе с заявлением профессор прислал протокол научно-клинической конференции, в которой руководитель клиники и его сотрудники, тщательно изучив историю болезни и данные вскрытия умершей, установили, что смерть больной последовала от эмболии лёгочной артерии и оставленный тампон не имел отношения к печальному исходу.

В чём же дело? Почему Москва настойчиво требует нового и нового пересмотра дела?

Мы рассмотрели заявление профессора Гафили на заседании редколлегии и ответили ему, что редколлегия как официальный орган может высказать своё мнение по затронутым вопросам, если получит официальный запрос от учреждения, в ведении которого находится рассмотрение дела. Что разбор причин и последствий такого несчастья в хирургии, как оставление инородных тел в брюшной полости, всегда сложен, а квалификация его в юридическом плане требует всестороннего обсуждения и тщательного изучения обстоятельств дела.

Отослал я это письмо, а на душе как-то муторно. С одной стороны, дело идёт о чести специалиста и, может быть, хорошего человека. А с другой, жизнь женщины, скорее её смерть. А как расценить ошибку профессора Гафили? Хирургическое несчастье, халатность?

Долго меня мучила совесть, все порывался написать профессору другое письмо, но как только я об этом начинал думать, тотчас возникал вопрос: а что практически я мог сделать для несчастного хирурга?..

К моему большому удовлетворению, получил уведомление от местной прокуратуры: я включен в состав экспертной комиссии по делу профессора Гафили и должен буду выехать на место для изучения обстоятельств происшествия.

Когда мы приехали в столицу одной из наших южных республик и приступили к изучению дела, передо мной предстала довольно сложная картина. Прежде всего я постарался как можно более обстоятельно познакомиться с профессором Гафили. Этот хирург оказался очень популярным и широко известным в своей республике. Он отличался хорошими мягкими руками и добрым сердцем. Все говорили, что он очень внимателен и отзывчив к больным. Его любили, доверяли и часто просили, чтобы именно он сделал операцию тому или иному больному. Он никогда никому не отказывал. При этом часто брался за такие операции, от которых другие профессора отказывались или у них были очень плохие результаты.

Больные и их родственники буквально боготворили хирурга, гордились им, называли своим национальным Пироговым. Но среди его коллег были и те, кто ревновал, завидовал ему, а иногда и придумывал истории, которые бы могли скомпрометировать хирурга.

Но, как говорит русская пословица: «У лжи короткие ноги». Всякие наветы, пустая болтовня быстро забывались, а профессору Гафили приносили прочный авторитет его успешные операции, его человечность и отзывчивость к чужому горю.

2

В тёплые июньские дни, когда солнце ласково светит, но нет ещё изнуряющей жары, когда деревья покрыты сочными зелеными листьями, а поля душистыми цветами, так хочется поваляться на траве, послушать пение птиц, помечтать, отдохнуть от постоянной работы, хоть на время отвлечься от людского горя, от молящего взгляда больных и их родственников. Позади бессонные ночи, а впереди — новые тяжёлые, уже запланированные операции. Хорошо бы хоть один день отдохнуть. Профессор давно мечтал выехать за город, но все что-то мешало. Да и жене и детям сколько уж раз обещал загородную прогулку.

— Завтра, — говорит он, обращаясь к жене и детям, — поедem за город. И целый день в нашем распоряжении!

— Да, уже давно пора, — сказала жена. — Я и не помню, когда ты ездил за город. Сам-то на кого похож, да и дети давно свежего воздуха не видели, мечтают о поездке.

— Ну вот и отлично! Значит, заслужили отдых! Сегодня же всё соберите, чтобы утром пораньше выехать.

Все были счастливы, предвкушая удовольствие от предстоящей вылазки за город. С жаром обсуждали, куда лучше выехать и как лучше провести день. Все включились в подготовку. Кто побежал в магазин закупать продукты, кто замешивал тесто, чтобы взять с

собою печенье собственного изготовления. Легли поздно: каждый по-своему мечтал о том, как он проведёт завтрашний день.

Утром вся семья была в сборе. Профессор Гафили возился со своим «Москвичом», делая последние приготовления в дорогу.

А в это время недалеко от них, в новом доме на третьем этаже, молодая женщина Елена Петровна Заходилова гладила бельё, то и дело высовываясь в окно, чтобы посмотреть, не случилось ли что с сыном, который играл во дворе. Отец был где-то там же, но он мог и не доглядеть за мальчиком... Поставив уже остывший утюг на окно, она пошла на кухню. Услышав какой-то шум на улице, подбежала и высунулась в окно. Утюг, стоявший на подоконнике, соскользнул и упал вниз. И надо же быть такому несчастью — упал прямо на голову сына!.. Голова оказалась разбита. Ребёнок впал в бессознательное состояние. Жизнь в нём едва теплилась.

Обезумевшие от горя родители, схватив на руки ребёнка, понесли его на квартиру к профессору Гафили, благо он жил неподалёку. Профессор в тот момент выезжал из ворот. Взглянув на родителей, находящихся в невменяемом состоянии, он с сожалением и виноватым видом посмотрел на жену. Он мог, конечно, отослать пострадавших в дежурную клинику, но язык не повернулся сказать такое родителям. Тем более что он понимал и тяжесть состояния ребёнка, и всю трудность предстоящей операции. Посадив несчастных родителей с ребёнком в свой автомобиль, Гафили осторожно, но быстро доставил их в клинику.

Началась тяжёлая борьба за жизнь мальчика. Надо было тщательно остановить кровотечение, сшить твердую мозговую оболочку, уложить на место все костные осколки и, обработав кожную рану, наложить аккуратно швы.

Пять часов продолжалась сама операция, а затем почти полтора месяца ежедневных забот и тревог за судьбу ребёнка, находившегося между жизнью и смертью.

В конце концов победа оказалась на стороне врача.

Через два месяца счастливые родители увозили из больницы здорового сына. Они со слезами на глазах благодарили хирурга. Так семья Заходиловых впервые встретила с профессором Гафили.

Супруги, оправившись от несчастья, вновь зажили спокойной, счастливой жизнью.

Заходилов — хороший мастер на производстве; он, как и профессор Гафили, большой любитель автомобильных путешествий. У них был дом, огород и сад. Фрукты и ягоды со своего сада водились у них круглый год, да ещё на продажу хватало. Накопили средства, купили «Москвич». Каждое лето совершали поездки по стране, съездив в один конец, уже осенью обдумывали, куда поедут на следующий год.

И в этом году они уже загодя стали обдумывать предстоящий маршрут. На этот раз решили доехать до Сибири. По той дороге, по которой шли и ехали декабристы.

— Поедем, Саша, — говорит Елена Петровна, — поклонимся земле сибирской. Много горя повидала она, принимая лучших сыновей и дочерей России на тяжёлую и суровую жизнь. Гибли наши деды в борьбе за лучшую жизнь, и должны мы чтить их память. Поедем, поклонимся сибирским местам, сходим на могилы тех, кто навсегда остался лежать в земле сибирской.

Так и порешили.

Муж, понимая трудность предстоящего путешествия, стал к нему готовиться. Вечерами же, после работы, они вслух читали книги о жизни декабристов, вместе с ними переживая их тяготы.

— Какая сила духа у русских людей и какая у них любовь к Родине! Есть ли где на земле ещё такие люди?! — вытирая слёзы, говорила Елена Петровна.

Чтение подобных книг ещё больше укрепляло их намерение летом поехать в Сибирь.

Вдруг среди зимы у Елены Петровны возникли резкие боли в животе. Поначалу супруги не придали этому значения. Они знали, что у неё камни желчного пузыря, приступы болей возникали не однажды, но каждый раз, когда она примет желчегонное, ограничит себя в еде, у неё все быстро проходило.

На этот раз Елена Петровна поступила так же. Легче не становилось. Боли нарастали. Терпеть стало невозможно. Побежал муж в ближайшую телефонную будку, вызвал «Скорую». Приехала врач, молоденькая женщина. Потрогала рукой живот в нескольких местах, да так, что больная морщилась и стонала, и уверенно заявила: «У вас острый холецистит. Немедленно в больницу! Вот вам направление в хирургическую клинику». И доктор уехала.

Супруги крепко задумались. Больница... Возможно, операция... Но может быть, можно обойтись без больницы?

Сбежал муж в аптеку, принёс лекарства, которые знакомый аптекарь посоветовал попринимать, ушёл на работу. Вечером застал жену в ещё худшем положении. Боли усилились, лицо пожелтело, осунулось. А наутро муж позвонил на службу, сказал, что опоздает, и повёз жену на такси в больницу.

Здание больницы только что отстроено, тут много этажей, светлые большие окна. Двор, правда, не приведен в порядок, но сделан по хорошему плану. На территории два пруда, где ребяташки из соседних дворов уже ловят рыбу.

Направление у Заходилова хоть и было, но жену пришлось поместить пока в приемном покое. Тут было много народа и все ждали доктора. К больнице то и дело подъезжали машины «Скорой помощи». Из них на носилках и просто с помощью санитаров больные поступали в приемный покой. Небольшая комната становилась тесной, а больные все прибывали. «Скорая» подвозила главным образом людей с травмами. Вот на каталке завозят мужчину, сбитого машиной. Он только что пришёл в сознание, смотрит печально на толчею вокруг себя. К каталке подходит дежурная сестра и громко кричит на санитаря, привёзшего человека:

— Куда ты везёшь? Я же звонила, что у нас все места заняты! С травмами уже пять человек, а травматолог один. Они и так будут ждать своей очереди несколько часов! Везите в другую больницу! Я не приму!

— Куда же я повезу в другую больницу, когда у меня наряд к вам! Да и больной очень тяжёл, он только что пришёл в сознание!

— Я сказала, что принимать больше ни одного человека не буду! Что хочешь делай, куда угодно вези — я принимать не буду!

Больной лежит на каталке с широко открытыми глазами. Он болезненно морщится от каждого слова дежурной сестры. Ему плохо, голова болит. Были бы силы — встал бы и пошёл домой. Но сил нет, и он слушает брань над своей головой. Наблюдала эти сцены и Елена Петровна. И от приёма такого ей становилось больнее.

Обо всем этом потом рассказывал муж Елены Петровны Заходилов. Он рассказывал мне как члену комиссии — «представителю свыше», разводил руками, недоумевал: «Как же так?.. Зачем же так грубо встречают пациентов в нашей большой, такой красивой и

благоустроенной лечебнице?.. Государство не жалеет денег для народа, строит больницы, готовит врачей, а вот какие-то нерадивые люди не могут организовать приём, не могут хорошо встретить, обласкать человека в минуту, когда он особенно в этом нуждается?..»

— А что прикажете делать врачу? — оправдывалась дежурная сестра, сидящая за регистрационным столом. — Больных тридцать человек, а он один. Двое хирургов всё время оперируют. Он должен и им помогать, и больных осматривать. Ещё нет двенадцати часов, а нам прислали уже суточную норму. И видите: продолжают везти.

Заходилов мрачно стоял, прислонившись к стене, не вмешиваясь ни в какие разговоры. Он переживал за жену, которая — он знал это — сильно страдает и не имеет возможности даже прилечь.

Не дождавшись приёма, взял документы, увёз жену домой. Но болезнь не отступила.

Ночью жене стало совсем плохо. Муж побежал к профессору Гафили и разбудил его.

— Умоляю! Посмотрите больную жену. Может быть, можно её оставить дома и не класть в больницу. Если же обязательно нужно ложиться, то возьмите её, пожалуйста, к себе в клинику!

Профессор Гафили с трудом заснул в ту ночь. У него был тяжёлый день, а вечером его вызвали в клинику, так как один из оперированных им больных отяжелел. Переживая за него, он долго не спал, волновался, звонил дежурному врачу. Ночной визитёр вызвал минутное чувство досады. «Ведь и та клиника, — думал он, — куда было направление, неплохая. Хирурги там хорошо делают подобные операции». Но он подавил в себе это чувство. Гафили всегда считал, что больной вправе выбирать хирурга, которому он может доверить свою жизнь.

Я тоже недоумеваю, почему больной не может выбрать по своему желанию хирурга. Больной лечится только у определенного врача по месту жительства. А если этот врач невежественный, грубый, часто делает ошибки и я не хочу у него лечиться? Почему я не имею права идти к такому врачу, которому я доверяю? Я имею право выбирать парикмахера, чтобы доверить ему свои волосы, имею право выбирать портного и не идти к тому, который плохо шьёт и может мне испортить костюм. А вот здоровье своё доверяю тому, к кому прикреплён. Знаю, что хирург плохо оперирует, а вынужден доверить ему жизнь. Мне кажется, тут явная недоработка наших медицинских администраторов. Можно было извинить такое положение в первые годы и десятилетия Советской власти — мало было у нас врачей, не хватало больниц. Но теперь у нас есть всё — и врачи и больницы. Медики вооружены первоклассной современной техникой и инструментами. Искусство наших врачей приобрело всемирную славу. О гуманном характере советского здравоохранения нечего и говорить — об этом теперь знают люди едва ли не всех стран. И если даже в наше время, даже в наших условиях встречаются несурезицы, о которых мы тут ведём речь, то, конечно же, они от нерадивости или от неумения людей, отвечающих за это дело.

У нас когда-то был издан приказ, по которому, чтобы поехать в другой город в какую-то поликлинику или к какому-то врачу, нужно направление республиканского министерства или облздравотдела! Это при наших-то расстояниях!.. Вот однажды я принимаю больного из другой области без направления, а мой вышестоящий начальник показывает мне инструкцию: нельзя! Больной говорит, что у него до районного центра 120 километров, а до областного — 400! Это ему за

бумажкой надо ехать 400 километров, да ещё с двумя пересадками. А у него большое сердце. Но ведь надо ехать, так как без направления из облздравотдела мы его принять не можем, даже если у нас есть место. А может и такое произойти: приедет он в облздравотдел, а там ему скажут: лечитесь на месте.

Ну да ладно: отвлёкся я от истории с больной. Итак, профессор оделся и поехал с Заходиловым.

Картина болезни оказалась тяжёлой. Уступая просьбе её мужа, дал направление в клинику. Тут же по телефону хотел распорядиться, чтобы готовили операцию, но оба супруга стали умолять полечить терапевтически.

Хирург сдался и по телефону назначил больной терапевтический курс лечения. На следующий день картина ухудшилась. Хирург вновь предложил неотложную операцию. Но ни больная, ни её муж согласия на операцию не давали.

Прошло три дня. Тяжесть картины нарастала. В брюшной полости разыгрывалась катастрофа, больной с каждым часом становилось хуже, она начала терять сознание.

— Если вы не дадите согласие на операцию сейчас же, — предупредил родных профессор Гафили, — то завтра будет поздно.

Супруги согласились.

На операции был выявлен воспаленный, наполненный камнями желчный пузырь. Стенка его омертвела и в одном месте прорвалась. Перед хирургом предстала картина острого разлитого перитонита.

В этих условиях операция удаления желчного пузыря была трудной и опасной. Омертвевшие ткани расползались при прикосновении к ним. Когда хирург отделил шейку желчного пузыря от общего желчного протока, началось неуправляемое кровотечение. Его не

удавалось остановить ни зажимами, ни марлевыми тампонами. Врач убирал одни салфетки, клал другие, затем одну на другую. Кровотечение было настолько сильным, что больной пришлось переливать кровь одновременно в две вены. Но и это не помогало. Состояние больной быстро ухудшалось. Пульс частил, давление катастрофически падало.

В этих условиях глубокий наркоз был очень опасен, а когда наркоз ослабили и больная стала просыпаться, положение ещё более осложнилось.

Был профессор Гафили опытный и искусный хирург, не раз он выходил из трудного положения, но здесь почувствовал, что почва ускользает из-под ног. Дрогнули руки, на миг усомнился в своих силах. Но, как часто случается в подобных ситуациях с людьми сильными, позвал на помощь всю свою волю. Прижав кровоточащее место сразу несколькими салфетками, попросил одного из помощников: «Срочно пригласите в операционную заведующего кафедрой!» Профессор Межуров по возрасту уж много лет не оперировал, но обладал большим хирургическим опытом и хорошим клиническим мышлением.

Межуров явился в операционную немедленно. С первого же взгляда оценив сложившуюся обстановку, понял, что, прежде чем удастся обычными мерами остановить кровотечение, хирург потеряет больную. Он сказал: «Наложите на кровоточащее место длинные зажимы и, не накладывая лигатур, оставьте их в ране. Когда угроза гибели отодвинется, мы решим, как окончательно остановить кровотечение».

Гафили так и сделал. Тремя зажимами остановил мощное кровотечение, а менее сильное остановил тампонами. Оставив зажимы и тампоны в ране, осторожно зашил остальную её часть. Долго ещё продолжал он бороться за жизнь больной...

На тринадцатый день после операции с соблюдением всех предосторожностей зажимы и тампоны были удалены. Кровотечение не возобновилось. Ещё через несколько дней больная выписалась домой. Чувствовала себя здоровой. А ещё через месяц супруги Заходиловы отправились в долгожданное путешествие по Сибири.

Осенью Заходиловы вернулись из своего путешествия весёлые и довольные. объездили почти всю Сибирь, купались в её быстрых реках, загорали на горячем сибирском солнце. Побывали во многих исторических местах, связанных с именами декабристов.

Незадолго до наступления Нового года Елена Петровна Заходилова почувствовала недомогание. Муж вновь обратился к профессору Гафили. В тот же день профессор осмотрел больную и направил её в свою клинику на обследование. Там во время осмотра в рентгеновском кабинете больная внезапно скончалась.

На вскрытии у неё обнаружили эмболию лёгочной артерии и тампон в забрюшинном пространстве. Воспалительных явлений вокруг тампонов не было.

На научно-клинической конференции причина смерти больной Заходиловой подверглась всестороннему обсуждению. После сообщения профессора Гафили и патологоанатома, после многочисленных вопросов и обстоятельных ответов на них было сделано общее заключение, что причиной смерти больной Заходиловой явилось тромбоэмболия лёгочной артерии. Что же касается забытого тампона, то он влияния на исход болезни не оказывал и, как принято у нас, медиков, выражаться, явился лишь патологоанатомической находкой.

Профессор Гафили тяжело перенёс смерть Заходиловой. Пережив очень много во время операции и во время выхаживания больной, он невольно привязался